Андрей В. Коротаев
НИУ ВШЭ; РАНХиГС, Москва, Россия

Кирилл Е. Новиков
РАНХиГС, Москва, Россия

Сергей Г. Шульгин
РАНХиГС, Москва, Россия

Ценности пожилых в стареющем мире

doi: 10.22394/2074-0492-2019-1-114-142

Резюме:
В статье рассматривается проблема зависимости ценностей представителей разных возрастных групп от возрастных и когортных факторов. Базовые ценности определяют действия людей в основных сферах жизни, включая политическую и экономическую сферы, о чем свидетельствуют, в частности, исследования Ш. Шварца и И. Инглхарта, поэтому изучение факторов, влияющих на становление системы ценностей возрастных групп, имеет важное значение для предсказания их поведения в различных ситуациях. В статье подвергается критике точка зрения, согласно которой, возраст сам по себе не оказывает влияние на формирование системы ценностей человека, или же, как полагает Инглхарт, оказывает лишь в развитых странах. Нами были проанализированы данные 5-й и 6-й волн World Values Survey, что позволило рассмотреть взаимосвязь между возрастом и ценностями респондентов во всех макрорегионах

Коротаев Андрей Витальевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий лабораторией мониторинга рисков социально-политической дестабилизации НИУ ВШЭ, ведущий научный сотрудник международной лаборатории демографии и человеческого капитала РАНХиГС и Института востоковедения РАН. Научные интересы: политическая демография, математическое моделирование социальных макропроцессов, количественные кросс-культурные исследования, социокультурная антропология, социальная эволюция, историческая антропология, историческая социология, Ближний Восток, Йемен. E-mail: akorotayev@gmail.com
Новиков Кирилл Евгеньевич — кандидат философских наук, доцент, руководитель майнора «Политическая теория и мировая политика» бакалавриата Liberal Arts ИОН РАНХиГС, старший научный сотрудник Института социологии РАН. Научные интересы: политология, политическая философия, историческая социология. E-mail: kenovikov@yandex.ru
Шульгин Сергей Георгиевич — зам. заведующего по науке международной лабораторией демографии и человеческого капитала РАНХиГС. Научные интересы: количественный анализ и моделирование социально-экономических процессов, демографические исследования. E-mail: sergey@shulgin.ru

мира, включая Западную и Восточную Европу, англоязычные страны, Латинскую Америку, Ближний и Средний Восток, Северную Африку и Африку южнее Сахары. Установлено, что во всем мире ценности возрастных групп изменяются по мере старения, согласно единому паттерну. С возрастом люди склонны больше разделять ценности Консерватизма и Заботы об окружающих (в терминологии Ш. Шварца), в то время как ценности Открытости к изменениям и Самоутверждения постепенно отходят на второй план. При этом имеется региональная специфика, отражающая культурные различия макрорегионов, которая, однако, не меняет общей картины. Рассмотрены глобальные последствия старения населения в свете выявленных закономерностей изменения ценностей с возрастом.

Ключевые слова: всемирное обследование ценностей, теория ценностей Ш. Шварца, старение населения, возрастной и когортный эффекты

Andrey V. Korotayev

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia
RANEPA, Moscow, Russia

Kirill E. Novikov

RANEPA, Moscow, Russia

Sergey G. Shulgin

RANEPA, Moscow, Russia

Values of the Elderly People in an Aging World

Abstract:
The article examines the problem of dependence of values adjusted to the different age groups on the age and cohort factors. According to

Andrey B. Korotayev — Doctor of Sciences (History), Ph.D., Professor, Head of the Laboratory of Monitoring of the Sociopolitical Destabilization Risks at the National Research University Higher School of Economics (HSE); Senior Research Professor at the International Laboratory for Demography and Human Capital at the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) and Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Research interests: Political Demography, Political Anthropology and Sociology, Mathematical Models of Social Evolution and Dynamics, the World System, Big History, Scientific Theory of Cultural Evolution, World-Wide Cross-Cultural Data Bases, Quantitative Cross-Cultural and Cross-National Research, Historical Sociology, Middle East, Yemen. E-mail: akorotayev@gmail.com
Kirill E. Novikov — PhD, assistant professor, Head of the minor "Political Theory and World Policy" of the Liberal Arts baccalaureate of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, senior research fellow of the Institute of Sociology. Research interests: Political Science, Political Philosophy, Historical Sociology. E-mail: kenovikov@yandex.ru
Sergey G. Shulgin — Vice-Director of the International Laboratory for Demography and Human Capital at RANEPA. Research interests: quantitative analysis and modeling of social precesses, demographic research. E-mail: sergey@shulgin.ru

Schwartz and Inglehart, basic human values determine the behavior of people in various areas, including politics and economy. Consequently, the study of factors influencing the development of values in the age groups may be important for predicting their behavior in different life situations. The article criticizes the theories denying the role of the age factor in the formation of a person's value system, including Inglehart's claim that the age factor is significant only in developed countries. We have analyzed data from the 5th and 6th waves of the World Values Survey in order to examine the relationship between the age and values of respondents in all macro-regions of the world, including Western and Eastern Europe, the English-speaking countries, Latin America, Middle and Central Asia, North Africa, and sub-Saharan Africa. We report that the values of age groups are changing in the process of aging according to a single pattern throughout the world. With age, people are more inclined to share the values of Conservation and Self-transcendence (in Schwartz's terms), while the values of Openness to Change and Self-enhancement gradually fade into the background. At the same time, there exist regional specifics due to cultural differences, which, however, do not change the overall picture.

Keywords: World Values Survey, Swartz's theory of values, ageing of population, age and cohort effect.

Введение

Широко распространенное представление о том, что политическое поведение группы связано с системой ценностей, которую эта группа разделяет, что напрямую вытекает из самого определения ценностей как убеждений, мотивирующих поведение и задающих набор желанных целей. Так, согласно известному определению Ш. Шварца, ценности «1) являются концептами или убеждениями, 2) имеют отношение к желаемому конечному состоянию или поведению, 3) выходят за пределы конкретных ситуаций, 4) направляют выбор или оценку поведения или событий, 5) упорядочены по относительной важности» [Schwartz 1992]. Похожее определение дает Р. Фишер: «Ценности — это мотивационные цели, влияющие на отношение, поведение и оценку» [Fischer, Boer 2016]. Исходя из этих определений можно предположить, что изменение влиятельности той или иной социальной группы, например за счет увеличения ее численности, должно привести к изменению ценностной структуры всего общества, что в конечном итоге отразится на протекающих в нем политических процессах.

В настоящее время во всем мире растет доля пожилых, что связано с увеличением продолжительности жизни. В особенности процесс старения населения заметен в развитых и богатых обще-

ствах, где эффект от развития медицины и общего роста качества жизни наиболее заметны. Соответственно возникает вопрос о том, можно ли считать пожилых особой социальной группой, обладающей собственными ценностями, и если да, то как увеличение доли пожилых может повлиять на политические процессы стареющих обществ?

В статье рассматривается вопрос о том, насколько особенности ценностей пожилых детерминированы возрастными или когортными факторами. Также рассматривается вопрос о региональной специфике развития системы ценностей. Согласно нашей гипотезе, с возрастом система ценностей человека претерпевает ряд изменений, причем эти изменения универсальны и не зависят от опыта отдельной возрастной когорты.

Изучение ценностей пожилых

Вопрос о том, существует ли общий паттерн трансформации ценностей индивида по мере его старения, остается дискуссионным. В прошлом господствовал стереотип, согласно которому молодым свойственно стремление к новому, в то время как пожилые остаются приверженцами традиций. Ряд исследователей не просто разделяют эту традиционную точку зрения, но и подводят под нее доказательную базу. Так, еще в 1960-е годы социологи-функционалисты выдвинули теорию «отсоединения» (disengagement), согласно которой, старея, человек постепенно утрачивает социальные связи и функции. В частности, Э. Камминг и В. Генри [Cumming, Henry 1961] называли старость «человеческой ролью без ролей» (roleless role). Разумеется, изменение социальной роли вело к переоценке ценностей. Д. Бромлей [Bromley 1966] объяснял «отсоединение» сокращением физических и психических возможностей, приводившим к неизбежному изменению в психологии и мировоззрении людей старшего возраста.

Существуют психосоциальные теории старения, которые также отстаивают идею трансформации системы ценностей индивида с наступлением преклонного возраста. Таковы теория развития на протяжении жизни (life span development), теория социоэмоциональной селективности (socioemotional selectivity theory) и теория целенаправленного развития (goal-directed development). Так, представитель теории развития на протяжении жизни П. Балтес [Baltes 1987] рассматривает развитие личности как изменение адаптивной способности организма, и соответственно старение понимается как приспособление личности к условиям жизни, в которых организм оказывается по мере естественных потерь и приобретений, вызванных новым биологическим состоянием.

Теория социоэмоциональной селективности отталкивается от человеческой способности оценивать временные горизонты и приспосабливаться к их изменениям. Люди, не рассчитывающие прожить достаточно долго, чаще отказываются от долгосрочных целей в пользу краткосрочных, меньше ценят новое знание и иные новшества, зато больше стремятся к эмоциональным переживаниям [Carstensen 1992, 2006; Löckenhoff, Carstensen 2004]. Очевидно, все это в полной мере должно относиться к пожилым, чей горизонт планирования ограничен «естественными причинами».

Теория целенаправленного развития предполагает, что человек, столкнувшийся с неизбежными потерями, связанными со старшим возрастом, такими как ухудшение состояния здоровья, уход с работы, падение доходов и т. п., вынужден корректировать свои устремления, дабы нейтрализовать негативную самооценку, связанную с недостижимостью тех или иных целей [Brandtstädter, Wentura, Rothermund 1999; Brandtstädter, Greve 1994; Brandtstädter, Rothermund 2002]. Таким образом, перечисленные психосоциальные теории старения сходятся в том, что с наступлением старости поведение, взгляды и ценности человека должны меняться в сторону свертывания личных амбиций и адаптации к условиям жизни в ситуации социальной депривации и физической немощи.

Политологи, изучающие электоральное поведение пожилых, имеют давнюю традицию отмечать консервативность представителей этой возрастной группы. Г. Зеллман [Zellman 1975] полагал, что пожилые избиратели озабочены вопросами безопасности, порядка и здоровья, что толкает их в сторону консервативных политических сил. Еще раньше Дж. Криттенден [Crittenden 1962] отмечал склонность пожилых к поддержке консервативных партий. Изучавшие ценностный раскол между поколениями Ф. Белткен и В. Ягозиньский [Boeltken, Jagodzinski 1985] считали, что раскол этот является эффектом жизненного цикла, то есть консерватизм пожилых — следствие физиологических процессов в стареющем организме и может быть обнаружен у любой пожилой когорты в любую историческую эпоху.

Современные эмпирические исследования, подтверждающие эту точку зрения. Дж. Тилли и Г. Эванс [Tilley, Evans 2014], изучив электоральные процессы в Великобритании, пришли к выводу, что с возрастом повышается вероятность голосования за консерваторов.

Существует и другая точка зрения, согласно которой старение не вызывает смены политических взглядов, поскольку первостепенное значение имеет не возраст, а принадлежность к когорте, разделяющей те или иные ценности. В этой перспективе пожилые отли-

чаются лишь тем, что с большим упорством держатся за однажды усвоенные взгляды. Н. Глен [Glenn 1974] полагал, что само понятие «консерватизм» может трактоваться двояко: либо как приверженность старому, либо как враждебность либеральным идеям. Его когортный анализ поведения американских избирателей показал, что пожилые американцы с годами становились более либеральными, однако усваивали новые идеи медленнее, чем их более молодые соотечественники. Н. Глен и Т. Хефнер [Glenn, Hefner 1972] показали, что с возрастом американцы не склонны менять свои убеждения на более консервативные. Дж. Кэмпбелл и Дж. Стрейт [Campbell, Strate 1981] также не обнаружили дрейфа когорт в сторону консерватизма по мере старения.

Ряд исследователей указывают на то, что пожилые не голосуют как единая группа интересов; идеологические и политические позиции разделяют их в той же мере, как и остальное население, а значит, говорить об особом консерватизме не имеет смысла. Такую позицию заняли, например, Л. Родбек и Дж. Хамил-Лакер [Rhodebeck 1993; Hamil-Luker 2001].

Особое влияние сохраняет теория Р. Инглхарта, согласно которой основной ценностный конфликт происходит между носителями материалистических и постматериалистических ценностей. Материалистические ценности в целом направлены на выживание, а постматериалистические — на самореализацию. Материалисты высоко ставят достаток и безопасность, а постматериалисты — свободу, творчество, независимость и т. п. По мнению Инглхарта, доля постматериалистов в развитых странах постепенно растет, что обусловлено повышением уровня жизни [Inglehart 1971, 1977, 1990, 1997, 2000; Inglehart, Norris 2003, 2004].

Р. Инглхарт и его соавтор К. Вельцель полагают, что когорты постматериалистов, старея, не превращаются в материалистов. В 2005 г. исследователи писали: «... прослеживая по времени ценностные ориентации конкретной возрастной группы, мы обнаруживаем: становясь старше, эти люди не становятся более приверженными традиционным ценностям и ценностям выживания, как можно было бы предположить ... Межпоколенческие различия представляют собой устойчивый атрибут конкретных возрастных когорт: в этом, судя по всему, проявляется различие в условиях формирования личностей их представителей» [Инглхарт, Вельцель 2011].

При этом, повторимся, Инглхарт и Вельцель обнаруживают межпоколенческий ценностный разрыв только в странах, где население имеет высокие доходы: «... межпоколенческие различия наблюдаются только в развитых странах, но не в странах с низкими среднедушевыми доходами населения» [Инглхарт, Вельцель 2011].

Ценности пожилых в разных макрорегионах мира

Результаты наших исследований заставляют прийти к выводам, отличным от выводов Инглхарта и Вельцеля. В основу нашего исследования положена теория ценностей Ш. Шварца, а материалом для анализа послужили данные последних двух волн опроса Всемирного обзора ценностей (WVS), основанного на шварцевском опроснике.

Шварц выделяет базовые ценностные ориентации, которыми руководствуется индивид вне зависимости от его культурной принадлежности. В число базовых ценностей входят ценности Власти, Достижения, Гедонизма, Приятия риска, Самостоятельности, Универсализма, Благожелательности, Традиции, Конформности и Безопасности. Эти ценности объединяются в четыре блока: ценности Сохранения (Безопасность, Конформность, Традиция), ценности Открытости к изменениям (Самостоятельность, Риск, Гедонизм), ценности Заботы об окружающих (Универсализм, Благожелательность) и ценности Самоутверждение (Власть, Достижение, Гедонизм). В свою очередь четыре блока формируют пространство ценностей, состоящее из двух осей: Сохранения и Открытости к изменениям, с одной стороны, и Заботы об окружающих и Самоутверждения, с другой.

Полный опросник Ш. Шварца состоит из двух частей. Первая состоит из 57 пунктов, которые включают в себя существительные и прилагательные, описывающие ценности (равенство, удовольствие и т. д.), важность которых для себя респонденту предлагается оценить в ходе опроса. Вторая представляет собой так называемый профиль личности, который состоит из 40 утверждений, описывающих человека в соответствии с 10 вышеназванными типами. В этой части опроса респонденту предлагается оценить, насколько описываемый человек похож на него. Опросник Шварца использовался для сбора данных в рамках нескольких проектов, один из них — это World Values Survey (WVS). Нами были использованы данные последних волн WVS — 2005–2014-х годов.

В отличие от Инглхарта и Вельцеля Шварц утверждает, что ценности индивида могут изменяться с возрастом в соответствии с некоторыми универсальными закономерностями. Например, по мере старения снижается способность приспосабливаться к переменам, что ведет к повышению значимости ценностей Безопасности, Конформности и Традиции, то есть блока ценности Сохранения [Schwartz, Robustness 2005b]. Ценности этого блока явно коррелируют с общепринятым представлением о консерватизме, а также близки ценностям выживания/материализма у Инглхарта. Тем са-

мым Шварц оказывается в ряду тех, кто считает консерватизм пожилых не когортным, а возрастным явлением.

Эту позицию разделяет О. Робинсон, обнаруживший корреляцию между возрастом и четырьмя ценностными осями Шварца. Согласно Робинсону, с возрастом ослабляется значимость ценностей Самоутверждения и Открытости, зато растет значимость Заботы об окружающих и Консерватизма, поскольку по мере старения индивид все меньше стремится к переменам и все больше надеется сохранить все как есть [Robinson 2013]. Вместе с тем работа Робинсона основана на анализе данных только по европейским странам, что не дает возможности утверждать, что выявленные корреляции релевантны для других регионов мира. Инглхарт и Венцель также строили свои выводы на европейских данных, которые относятся к 1990-м годам и в настоящее время могут оказаться устаревшими.

Нами проведен анализ более современных данных по значительно более широкому кругу стран, как развитых, так и развивающихся. Была прослежена корреляция между возрастом и приверженностью ценностям по оси Шварца: «Консерватизм — Открытость к изменениям» и «Забота об окружающих — Самоутверждение».

Вначале в качестве базовой единицы сопоставления мы использовали возрастные группы. Данные для анализа взяты из 5-й (2005–2009 гг.) и 6-й (2010–2014 гг.) волн World Values Survey, в рамках которых был произведен сбор данных по методике Ш. Шварца (в более ранних волнах WVS эта методика не использовалась).

Проведенный нами анализ корреляций между возрастом респондентов, с одной стороны, и ценностными осями Консерватизм — Открытость к изменениям и Забота об окружающих — Самоутверждение, с другой стороны, показал, что в подавляющем большинстве обследованных стран, как развитых, так и развивающихся, наблюдаются статистически значимые отрицательные корреляции между возрастом респондентов и значениями этих двух осей. Иными словами, в подавляющем большинстве стран мира пожилые респонденты в тенденции более склонны придерживаться ценностей Консерватизма и Заботы об окружающих, и в меньшей степени — ценностей Открытости к изменениям и Самоутверждения. Соответственно молодые респонденты более склонны придерживаться ценностей Открытости к изменениям и Самоутверждения, и в меньшей степени — ценностей Консерватизма и Заботы об окружающих.

Рассмотрение полученных нами результатов начнем со стран Западной Европы (рис. 1, 2, табл. 1).

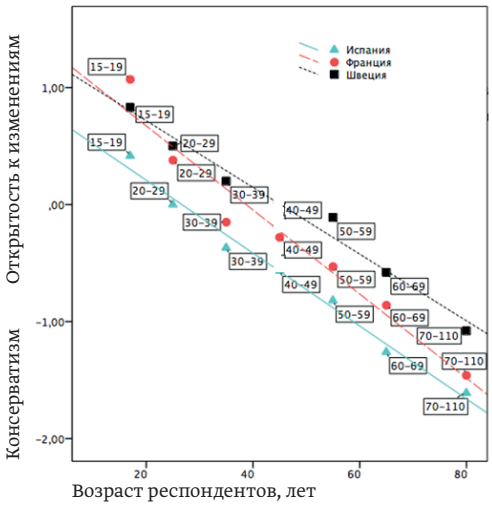

Рис.1. Возраст, Консерватизм и Открытость к изменениям в Испании, Франции и Швеции.
Fig. 1. Age, Conservatism and Openness to Change in Spain, France and Sweden.
Примечание: **Испания: r = — 0,995, p < 0,001. Франция: r = — 0,980, p < 0,001. Швеция: r = — 0,981, p < 0,001.**

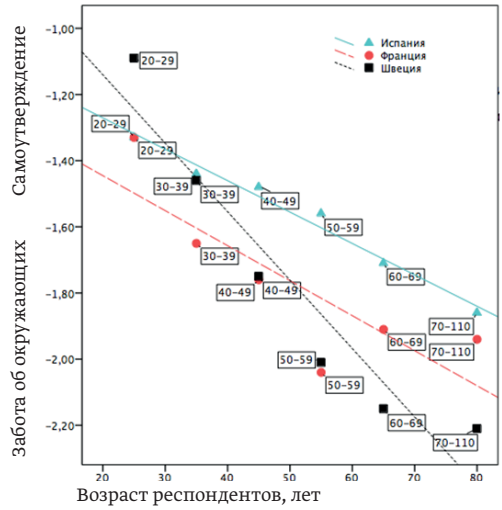

Рис. 2. Возраст, Забота об окружающих и Самоутверждение в Испании, Франции и Швеции.
Fig. 2. Age, Self-transcendence and Self-enhancement in Spain, France and Sweden.
Примечание: **Испания: r = — 0,988, p < 0,001. Франция: r = — 0,803, p = 0,03. Швеция: r = — 0,948, p = 0,001.**

Таблица 1. Корреляция между возрастом респондентов и ценностями «Консерватизма — Открытости к изменениям» и «Заботы об окружающих — Самоутверждения» в странах Западной Европы
Table 1. Correlation between the age of respondents and the values of Conservation — Openness to change and Self-transcendence — Self-enhancement

Страна	Консерватизм — Открытость к изменениям			Забота об окружающих — Самоутверждение		
	r	R2	p	r	R2	p
Испания	-0,995	0,991	<0,001	-0,988	0,976	<0,001
Кипр	-0,991	0,982	<0,001	-0,982	0,963	<0,001
Норвегия	-0,990	0,981	<0,001	-0,986	0,973	<0,001
Финляндия	-0,989	0,979	<0,001	-0,844	0,712	0,017
Великобритания	-0,983	0,965	<0,001	-0,965	0,931	<0,001
Швеция	-0,981	0,963	<0,001	-0,948	0,899	0,001
Франция	-0,980	0,960	<0,001	-0,803	0,645	0,03
Нидерланды	-0,976	0,952	<0,001	-0,949	0,900	0,001
Германия	-0,973	0,947	<0,001	-0,977	0,955	<0,001
Андорра	-0,923	0,852	0,003	-0,925	0,856	0,003
Швейцария	-0,871	0,759	0,011	-0,943	0,888	0,001
В среднем по Западной Европе	-0,968			-0,937		

В Западной Европе мы имеем дело с очень выраженной отрицательной корреляцией между возрастом респондентов, с одной стороны, и ценностями Открытости к изменениям и Самоутверждения, с другой, и соответственно с положительной корреляцией между возрастом и ценностями Консерватизма и Заботы о других. Те же тенденции наблюдаются на примере бывших англосаксонских переселенческих колоний (West European Offshoots) (табл. 2).

Таблица 2. Корреляция между возрастом респондентов и ценностями «Консерватизма — Открытости к изменениям» и «Заботы об окружающих — Самоутверждения» в бывших англосаксонских переселенческих колониях
Table 2. Correlation between the age of respondents and the values of Conservation — Openness to change and Self-transcendence — Self-enhancement in the former British settler colonies

Страна	Консерватизм — Открытость к изменениям			Забота об окружающих — Самоутверждение		
	r	R2	p	r	R2	p
Австралия	-0,993	0,987	< 0,001	-0,938	0,879	0,002
Канада	-0,988	0,976	< 0,001	-0,927	0,859	0,003
Новая Зеландия	-0,984	0,968	< 0,001	-0,871	0,759	0,011
США	-0,976	0,953	< 0,001	-0,96	0,922	0,001
В среднем	-0,985			-0,924		

Отметим, что и здесь отрицательная корреляция между возрастом респондентов и ценностями Открытости к изменениям (и соответственно положительная корреляция между возрастом и ценностями Консерватизма) прослеживается в заметно более сильном виде, чем отрицательная корреляция между возрастом и ценностями Самоутверждения (и соответственно отрицательная корреляция между возрастом и ценностями Заботы о других).

В странах Восточной Европы все эти корреляции прослеживаются не менее четко, чем в Западной Европе и бывших англосаксонских колониях (рис. 3, 4, табл. 3).

Отметим, что и здесь отрицательная корреляция между возрастом и ценностями Открытости прослеживается в заметно более сильном виде, чем отрицательная корреляция между возрастом и ценностями Самоутверждения.

При этом наш анализ показывает, что во всех восточноевропейских посткоммунистических странах (Белоруссии, Болгарии, Молдове, России, Румынии, Сербии и Украине) разница между молодыми и пожилыми по этим показателям оказывается заметно выше, чем то, что мы видим в среднем по Западной Европе. Возможно, это связано с бурными модернизационными процессами, протекавшими в восточных посткоммунистических странах в годы, прошедшие после волн опросов WVS, на анализе которых строили свои

выводы Инглхарт и Вельцель, — на фоне все более выраженных кризисных явлений в западноевропейских странах.

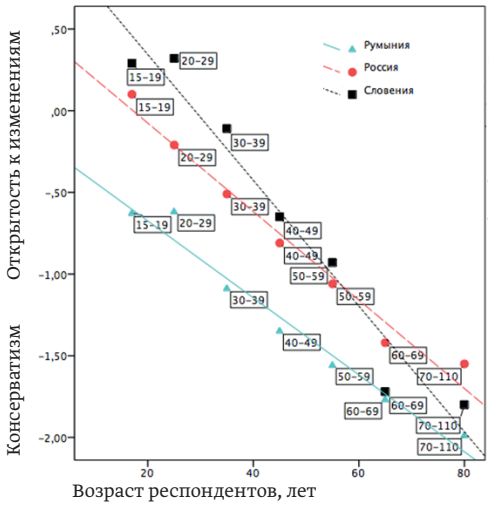

Рис. 3. Возраст, Консерватизм и Открытость к изменениям в России, Румынии и Словении.

Fig. 3. Age, Conservatism and Openness to Change in Russia. Romania and Slovenia.

Примечание: **Румыния: r = — 0,987, p < 0,001. Россия: r = — 0,997, p < 0,001. Словения: r = — 0,978, p < 0,001.**

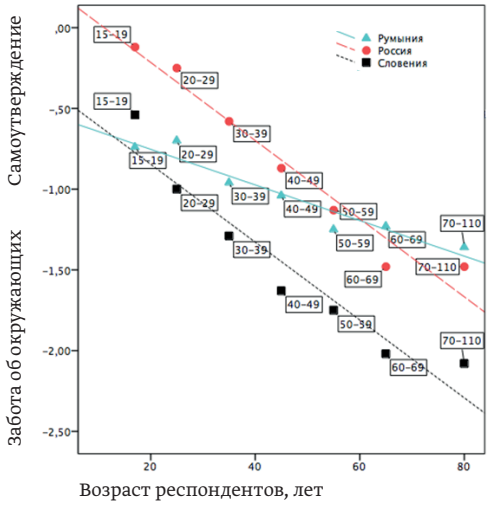

Рис. 4. Возраст, Забота об окружающих и Самоутверждение в России, Румынии и Словении.

Fig. 4. Age, Self-transcendence and Self-enhancement in Russia. Romania and Slovenia.

Примечание: **Румыния: r = — 0,966, p < 0,001. Россия: r = — 0,988, p < 0,001. Словения: r = — 0,977, p < 0,001.**

Таблица 3. Корреляция между возрастом респондентов и ценностями Консерватизма — Открытости к изменениям и Заботы об окружающих — Самоутверждения в странах Восточной Европы
Table 4. Correlation between the age of respondents and the values of Conservation — Openness to change and Self-transcendence — Self-enhancement in Eastern Europe

Страна	Консерватизм — Открытость к изменениям			Забота об окружающих — Самоутверждение		
	r	R2	p	r	R2	p
Россия	-0,997	0,994	< 0,001	-0,988	0,977	< 0,001
Украина	-0,997	0,995	< 0,001	-0,987	0,973	< 0,001
Венгрия	-0,996	0,991	< 0,001	-0,971	0,942	< 0,001
Эстония	-0,995	0,991	< 0,001	-0,967	0,935	<0,001
Белоруссия	-0,990	0,98	< 0,001	-0,945	0,892	0,001
Сербия и Черногория	-0,988	0,976	< 0,001	-0,974	0,949	< 0,001
Румыния	-0,987	0,974	< 0,001	-0,966	0,933	< 0,001
Болгария	-0,981	0,963	< 0,001	-0,996	0,991	< 0,001
Молдова	-0,981	0,962	< 0,001	-0,957	0,915	0,001
Словения	-0,978	0,956	< 0,001	-0,977	0,955	< 0,001
Польша	-0,963	0,928	< 0,001	-0,962	0,926	0,001
В среднем по Восточной Европе	-0,987			-0,972		

Однако более важным представляется то обстоятельство, что вполне выраженную разницу в ценностях молодых и пожилых мы прослеживаем по рассматриваемым нами показателям не только в постиндустриальных демократических и бывших коммунистических, но и в подавляющем большинстве развивающихся стран.

Анализ наших результатов по развивающимся странам начнем с Латинской Америки (рис. 5, 6, табл. 4).

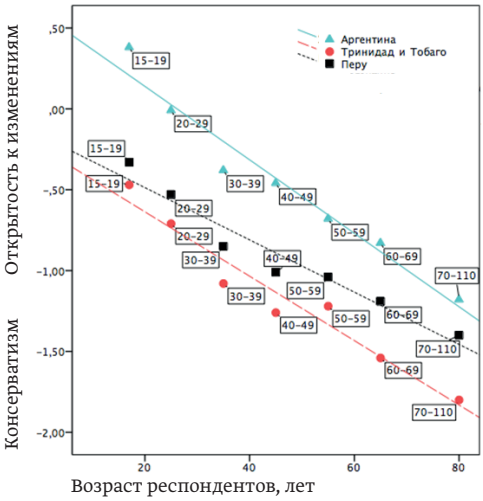

Рис. 5. Возраст, Консерватизм и Открытость к изменениям в Аргентине, Тринидаде и Тобаго и Перу.
Fig. 5. Age, Conservatism and Openness to Change in Argentina, Trinidad and Tobago and Peru.
Примечание: **Аргентина: r = — 0,984, p < 0,001. Тринидад и Тобаго: r = — 0,978, p < 0,001. Перу: r = — 0,979, p < 0,001.**

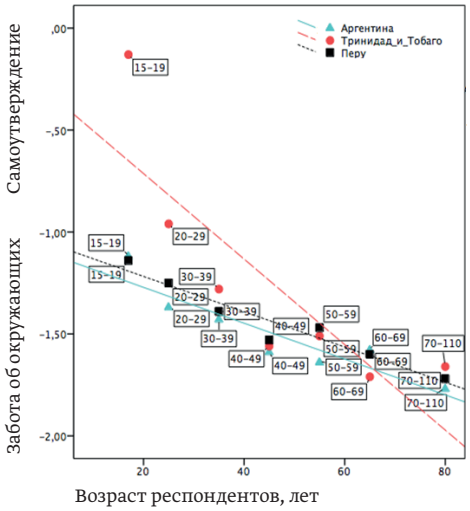

Рис. 6. Возраст, Забота об окружающих и Самоутверждение в Аргентине, Тринидаде и Тобаго и Перу.
Fig. 6. Age, Self-transcendence and Self-enhancement in Argentina, Trinidad and Tobago and Peru.

Примечание: **Аргентина: r = — 0,933, p = 0,002. Тринидад и Тобаго: r = — 0,871, p = 0,011. Перу: r = — 0,969, p < 0,001.**

Таблица 4. Корреляция между возрастом респондентов и ценностями Консерватизма — Открытости к изменениям и Заботы об окружающих — Самоутверждения в странах Латинской Америки
Table 4. Correlation between the age of respondents and the values of Conservation — Openness to change and Self-transcendence — Self-enhancement in Latin America

Страна	Консерватизм — Открытость к изменениям			Забота об окружающих — Самоутверждение		
	r	R2	p	r	R2	p
Аргентина	-0,984	0,968	<0,001	-0,933	0,87	0,002
Бразилия	-0,983	0,966	<0,001	-0,926	0,858	0,003
Колумбия	-0,947	0,897	0,001	-0,890	0,793	0,007
Мексика	-0,899	0,808	0,006	-0,806	0,649	0,029
Перу	-0,979	0,959	<0,001	-0,969	0,939	<0,001
Тринидад и Тобаго	-0,978	0,956	<0,001	-0,871	0,758	0,011
Уругвай	-0,974	0,949	<0,001	-0,966	0,934	<0,001
Чили	-0,976	0,953	<0,001	-0,963	0,928	<0,001
Эквадор	-0,936	0,875	0,002	-0,843	0,71	0,017
В среднем по Латинской Америке	-0,962			-0,907		

Здесь отрицательная корреляция между возрастом и ценностями Открытости прослеживается в заметно более сильном виде, чем отрицательная корреляция между возрастом и ценностями Самоутверждения. Еще важнее то, что в рассмотренных развивающихся странах ценности традиционализма присущи пожилым и чужды молодым примерно в той же степени, что и на развитом Западе.

Рассмотрим теперь страны Ближнего и Среднего Востока (БСВ) и Северной Африки (рис. 7, 8, табл. 5).

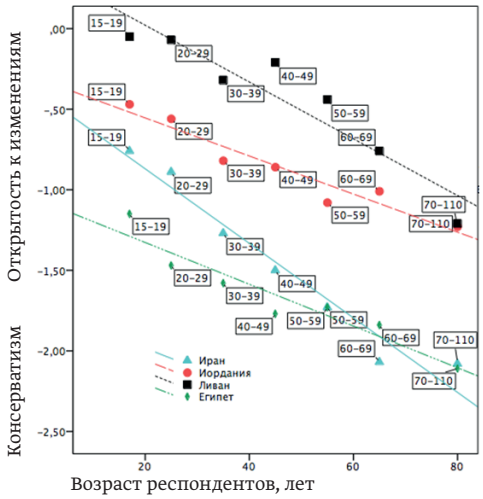

Рис. 7. Возраст, Консерватизм и Открытость к изменениям в Иране, Иордании, Ливане и Египте.

Fig. 7. Age, Conservatism and Openness to Change in Iran, Jordan, Lebanon and Egypt.

Примечание: **Иран: r = — 0,988, p < 0,001. Иордания: r = — 0,968, p < 0,001. Ливан: r = — 0,918, p = 0,004. Египет: r = — 0,957, p = 0,001.**

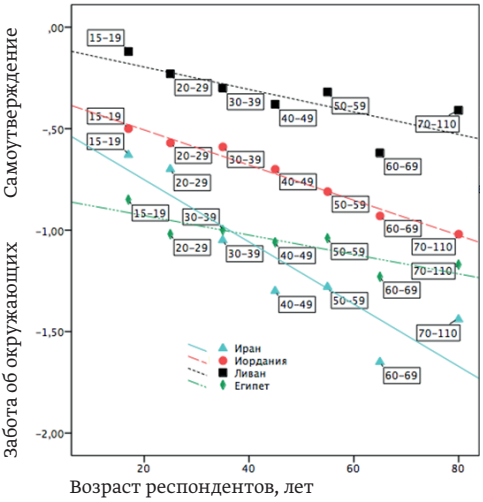

Рис. 8. Возраст, Забота об окружающих и Самоутверждение в Иране, Иордании, Ливане и Египте.

Fig. 8. Age, Self-transcendence and Self-enhancement in Iran, Jordan, Lebanon and Egypt.

Примечание: **Иран: r = — 0,931, p = 0,002. Иордания: r = — 0,986, p < 0,001. Ливан: r = — 0,822, p = 0,023. Египет: r = — 0,893, p = 0,007.**

Таблица 5. Корреляция между возрастом респондентов и ценностями Консерватизма — Открытости к изменениям и Заботы об окружающих — Самоутверждения в странах Ближнего и Среднего Востока (БСВ) и Северной Африки
Table 5. Correlation between the age of respondents and the values of Conservation — Openness to change and Self-transcendence — Self-enhancement in the Middle East, Central Asia and North Africa

Страна	Консерватизм — Открытость к изменениям			Забота об окружающих — Самоутверждение		
	r	R2	p	r	R2	p
Иран	-0,988	0,977	<0,001	-0,931	0,867	0,002
Тунис	-0,987	0,974	<0,001	-0,979	0,958	<0,001
Казахстан	-0,984	0,969	<0,001	-0,936	0,877	0,002
Марокко	-0,980	0,959	<0,001	-0,909	0,826	0,005
Ирак	-0,979	0,958	<0,001	-0,770	0,592	0,043
Иордания	-0,968	0,936	<0,001	-0,986	0,973	<0,001
Турция	-0,966	0,933	<0,001	-0,788	0,621	0,035
Азербайджан	-0,965	0,932	<0,001	-0,886	0,786	0,008
Алжир	-0,961	0,923	0,001	-0,971	0,943	<0,001
Армения	-0,958	0,917	0,001	-0,961	0,923	0,001
Палестина	-0,958	0,918	0,001	-0,927	0,859	0,003
Грузия	-0,957	0,916	0,001	-0,883	0,779	0,008
Египет	-0,957	0,916	0,001	-0,893	0,797	0,007
Катар	-0,937	0,878	0,002	-0,922	0,850	0,003
Киргизия	-0,933	0,87	0,002	-0,912	0,831	0,004

Кувейт	-0,920	0,847	0,003	-0,967	0,935	<0,001
Ливан	-0,918	0,842	0,004	-0,822	0,676	0,023
Ливия	-0,876	0,768	0,01	0,189	0,036	0,685
Узбекистан	-0,867	0,752	0,012	-0,723	0,522	0,067
Йемен	-0,794	0,631	0,033	-0,720	0,518	0,068
Бахрейн	-0,365	0,134	0,42	0,692	0,478	0,085
В среднем по БСВ и Северной Африке	-0,915			-0,762		

Отметим сразу же, что и в странах БСВ и Северной Африки отрицательная корреляция между возрастом и ценностями Открытости прослеживается в заметно более сильном виде, чем отрицательная корреляция между возрастом и ценностями Самоутверждения. При этом различие это выражено сильнее, чем в странах Европы, Латинской Америки и бывших англосаксонских переселенческих колониях.

В целом в странах БСВ и Северной Африки величина отрицательной корреляции между возрастом респондентов и поддержкой ценности Открытость к изменениям лишь незначительно меньше, чем то, что мы выше могли видеть применительно к Европе. При этом в таких развивающихся и не очень богатых странах региона, как Алжир, Египет, Иордания, Ирак, Иран, Марокко, Палестина, Тунис или Турция, сила этой корреляции практически такая же, как в среднем по странам Западной Европе или даже несколько выше. В богатых Катаре и Кувейте она даже несколько слабее (хотя все равно и там она очень сильна). Самая слабая (и при этом статистически незначимая) корреляция для всех стран БСВ и Северной Африке наблюдается применительно к очень богатому Бахрейну (хотя есть серьезные основания полагать, что это связано с погрешностями в сборе и кодировке данных).

А вот то, что в остальном самая низкая корреляция в данном регионе прослеживается в самой бедной стране ближневосточной выборки — Йемене, по всей видимости, случайностью не является. Если сила отрицательной корреляции между возрастом респондентов и их приверженностью ценностям Открытости к изменениям для стран Ближнего и Среднего Востока лишь немногим слабее, чем в Западной Европе, то про корреляцию между возрастом и ценностями Самоутверждения этого уже сказать нельзя, так как эта кор-

реляция в странах БСВ и Северной Африки ощутимо меньше, чем в Западной Европе. Но даже и в этом случае в большинстве (11 из 21) мы имеем дело с откровенно сильными (R2 > 0,8) отрицательными, безусловно, статистически значимыми (p < 0,005) корреляциями. При этом в данное число входят и такие отнюдь не самые богатые страны региона, как Марокко, Иордания, Иран, Тунис, Алжир или Палестинская Автономия. Еще в шести случаях мы имеем дело с не столь сильными (0,8 > R2 > 0,575), но недвусмысленно статистически значимыми (p < 0,05) корреляциями.

В двух случаях, отмеченных у достаточно бедных стран региона, Узбекистана и Йемена, речь идет об относительно слабых маргинально значимых корреляциях. И лишь в двух случаях, зафиксированных в отнюдь не самых бедных странах рассматриваемого макрорегион (Бахрейне и Ливии), мы имеем дело со статистически незначимой корреляцией, при этом в обоих случаях имеются серьезные основания полагать, что это связано с погрешностями в сборе и кодировке данных.

Рассмотрим теперь страны Азии за пределами Большого Ближнего Востока (рис 9, 10, табл. 6).

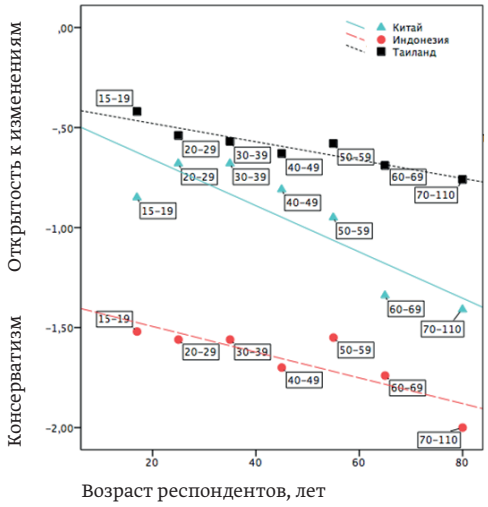

Рис 9. Возраст, Консерватизм и Открытость к изменениям в Китае, Индонезии и Таиланде.

Fig. 9. Age, Conservatism and Openness to Change in China, Indonesia and Thailand.

Примечание: Китай: r = — 0,972, p < 0,001. Индонезия: r = — 0,956, p = 0,001. Таиланд: r = — 0,961, p = 0,001.

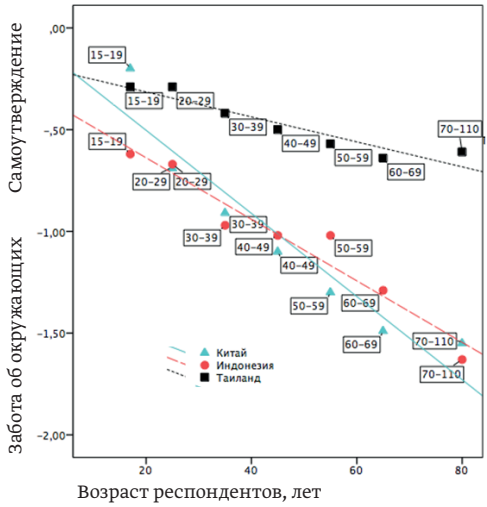

Рис. 10. Возраст, Забота об окружающих и Самоутверждение в Китае, Индонезии и Таиланде.
Fig. 10. Age, Self-transcendence and Self-enhancement in China, Indonesia and Thailand.
Примечание: **Китай: r = — 0,842, p = 0,017. Индонезия: r = — 0,808, p = 0,028. Таиланд: r = — 0,937, p = 0,002.**

Таблица 6. Корреляция между возрастом респондентов и ценностями Консерватизма — Открытости к изменениям и Заботы об окружающих — Самоутверждения в странах Азии (без БСВ)
Table 6. Correlation between the age of respondents and the values of Conservation — Openness to change and Self-transcendence — Self-enhancement in Asia (without the Middle East and Central Asia)

Страна	Консерватизм — Открытость к изменениям			Забота об окружающих — Самоутверждение		
	r	R2	p	r	R2	p
Южная Корея	-0,983	0,966	<0,001	-0,919	0,844	0,003
Китай	-0,972	0,945	<0,001	-0,842	0,709	0,017
Таиланд	-0,961	0,924	0,001	-0,937	0,879	0,002
Индонезия	-0,956	0,914	0,001	-0,808	0,653	0,028
Тайвань	-0,943	0,889	0,001	-0,920	0,846	0,003

Вьетнам	-0,924	0,854	0,003	-0,948	0,898	0,001
Малайзия	-0,924	0,854	0,003	-0,955	0,912	0,001
Сингапур	-0,901	0,811	0,006	-0,614	0,377	0,143
Япония	-0,897	0,804	0,006	-0,992	0,985	<0,001
Гонконг	-0,880	0,774	0,009	-0,993	0,986	<0,001
Индия	-0,741	0,549	0,057	-0,770	0,594	0,043
Пакистан	-0,738	0,545	0,058	-0,748	0,56	0,053
Филиппины 13	-0,551	0,304	0,199	-0,153	0,023	0,744
Азия	-0,875			-0,815		

В странах Азии отрицательная корреляция между возрастом и ценностями Открытости прослеживается в заметно более сильном виде, чем отрицательная корреляция между возрастом и ценностями Самоутверждения.

Вместе с тем отрицательные корреляции как между возрастом респондентов и восприятием ими ценностей Открытости к изменениям, так и между возрастом и ценностями Самоутверждения являются в Азии заметно более слабыми, чем в Западной Европе. Тем не менее и в Азии эти корреляции прослеживаются среди большинства стран (и в том числе стран развивающихся) на статистически значимом уровне. Откровенно сильные ($R2 > 0,770$) статистически значимые ($p < 0,01$) отрицательные корреляции между возрастом респондентов и восприятием ими ценностей Открытости к изменениям прослеживаются для 10 из 13 азиатских стран, включая и такие развивающиеся азиатские страны, как Индонезию, Китай, Таиланд или Вьетнам. При этом в данных развивающихся странах Азии негативная корреляция между возрастом и ценностями Открытости к изменениям заметно более выражена, чем в таких, безусловно, развитых азиатских обществах, как Япония, Гонконг или Сингапур (но и в последних трех азиатских обществах данная корреляция вполне сильна, но не так, как в большинстве западноевропейских обществ или, скажем, в Индонезии). Впрочем, интересующая нас корреляция слабее всего прослеживается в азиатских обществах, принадлежащих к числу беднейших среди нашей азиатской выборки — в Пакистане, Филиппинах и Индии.

Близкая ситуация наблюдается в азиатских странах и применительно к отрицательной корреляции между возрастом респондентов

и их приверженностью ценностям самоутверждения. Как уже говорилось, в целом по странам Азии эта корреляция заметно менее выражена, чем в странах Западной Европы. Но и здесь среди абсолютного большинства азиатских стран (включая развивающиеся) речь идет о сильных ($R2 > 0,65$) недвусмысленно статистически значимых ($p < 0,03$) корреляциях в теоретически предсказанном направлении. Отметим, что самые низкие корреляции в Азии и здесь наблюдаются прежде всего среди самых бедных стран — в Пакистане, Филиппинах и Индии; при этом на Филиппинах данная корреляция статистически значимой не является. Главным исключением здесь оказывается богатый Сингапур с относительно низкой корреляцией (к тому же лишь маргинально значимой статистически[1]).

Вполне в соответствии с теоретическими ожиданиями Инглхарта и Вельцеля в наиболее слабом виде интересующие нас отрицательные корреляции ценностей с возрастом прослеживаются в обществах Африки южнее Сахары, представляющих собой в большинстве своем развивающиеся страны с низким доходом населения (рис. 11, 12, табл. 7).

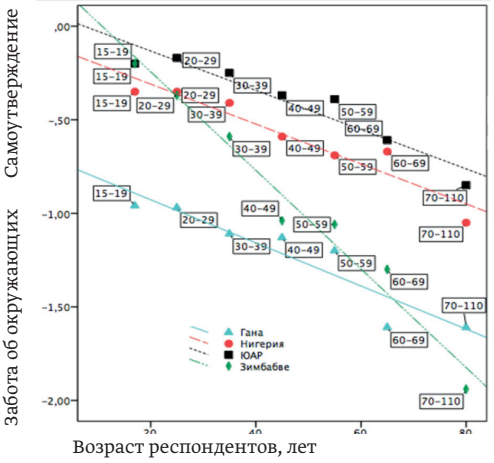

Рис. 11. Возраст, Консерватизм и Открытость к изменениям в Гане, Нигерии, ЮАР и Зимбабве.
Fig. 11. Age, Conservatism and Openness to Change in Ghana, Nigeria, South Africa and Zimbabwe.
Примечание: Гана: r = — 0,931, p = 0,001. Нигерия: r = — 0,931, p = 0,001. ЮАР: r = — 0,932, p = 0,001. Зимбабве: r = — 0,974, p < 0,001 (1-сторонние тесты значимости).

1 При этом маргинально значимой она становится лишь при одностороннем тесте, который здесь, впрочем, представляется вполне оправданным, так как речь идет о корреляции в теоретически предсказанном направлении.

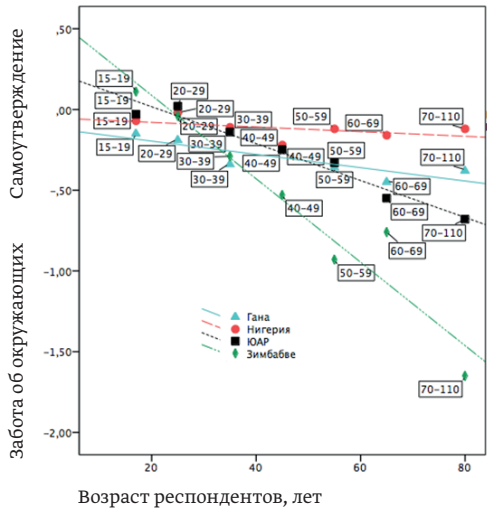

Рис. 12. Возраст, Забота об окружающих и Самоутверждение в Гане, Нигерии, ЮАР и Зимбабве.
Fig. 12. Age, Self-transcendence and Self-enhancement in Ghana, Nigeria, South Africa and Zimbabwe.
Примечание: Гана: r = — 0,871, p = 0,006. Нигерия: r = — 0,535, p = 0,108. ЮАР: r = — 0,970, p < 0,001. Зимбабве: r = — 0,948, p = 0,001 (односторонние тесты значимости).

Таблица 8. Корреляция между возрастом респондентов и ценностями Консерватизма — Открытости к изменениям и Заботы об окружающих — Самоутверждения в странах Африки южнее Сахары
Table 8. Correlation between the age of respondents and the values of Conservation — Openness to change and Self-transcendence — Self-enhancement in the sub-Saharan Africa

Страна	Консерватизм — Открытость к изменениям			Забота об окружающих — Самоутверждение		
	r	R2	p (1-стор.)	r	R2	p (1-стор.)
Кот-д-Ивуар	-0,988	0,977	<0,001	-0,927	0,859	0,002
Зимбабве	-0,974	0,948	<0,001	-0,948	0,898	<0,001
ЮАР	-0,932	0,868	0,001	-0,970	0,941	<0,001
Гана	-0,931	0,866	0,001	-0,871	0,759	0,006

Нигерия	-0,931	0,867	0,001	-0,535	0,286	0,108
Замбия	-0,875	0,766	0,005	-0,648	0,42	0,077
Руанда	-0,782	0,611	0,019	-0,497	0,247	0,128
Мали	-0,757	0,573	0,024	-0,811	0,658	0,014
Буркина-Фасо	-0,657	0,432	0,054	-0,876	0,768	0,005
Эфиопия	-0,603	0,364	0,076	-0,458	0,21	0,15
В среднем по странам Африки южнее Сахары	-0,843			-0,754		

Анализ данных по странам Африки южнее Сахары позволяет сделать два важных вывода,

Во-первых, и в странах Африки отрицательная корреляция между возрастом и ценностями Открытости прослеживается в заметно более сильном виде, чем отрицательная корреляция между возрастом и ценностями Самоутверждения.

Во-вторых, хотя эти отрицательные корреляции здесь менее выражены, чем во всех других макрорегионах мира, они все-таки заметны и в подавляющем большинстве стран Африки южнее Сахары проявляются в статистически значимом виде. Действительно, достаточно сильные ($R2 > 0,57$) статистически значимые ($p < 0,05$) отрицательные корреляции между возрастом респондентов и их приверженностью ценностям Открытости к изменениям прослеживаются для 8 из 10 стран рассматриваемого макрорегиона. И речь идет не только о среднеразвитой ЮАР, но и о таких слаборазвитых странах с низкими подушевыми доходами, как Кот-д-Ивуар, Зимбабве, Замбия, Руанда или Мали (и при этом в слаборазвитых Кот-д-Ивуаре и Зимбабве эти корреляции оказываются заметно сильнее южноафриканского и даже западноевропейского уровня). Лишь в двух странах Африки южнее Сахары (в Буркина-Фасо и Эфиопии) отрицательная корреляция между возрастом респондентов и приверженностью их ценностям Открытости к изменениям оказалась статически незначимой.

Применительно к ценностям Самоутверждения в странах Тропической и Южной Африки мы имеем дело с наиболее слабыми корреляциям из всех, что были рассмотрены выше. Однако и в этом случае в 6 из 10 стран Африки южнее Сахары мы имеем дело с достаточно

сильными (R2 > 0,65) недвусмысленно статистически значимыми (p < 0,015) отрицательными корреляциями (Кот-д-Ивуар, Зимбабве, ЮАР, Гана, Мали, Буркина-Фасо). В Нигерии и Замбии корреляции имеют маргинальную значимость, а в Руанде и Эфиопии корреляции находятся на грани статистической незначительности, хотя и наблюдаются в теоретически предсказанном направлении.

Впрочем, это не противоречит выводу о том, что в самом бедном макрорегионе мира рассмотренные нами корреляции между возрастом и ценностями выражены заметно слабее, чем в других регионах мирах.

Выводы

Проведенное нами исследование не позволяет согласиться с утверждением Р. Инглхарта и К. Вельцеля о том, что корреляция между возрастом и приверженностью тем или иным ценностям наблюдается только в развитых странах, а не в странах с низкими среднедушевыми доходами населения. Как мы могли видеть, во всех макрорегионах мира (от самых богатых до самых бедных) прослеживаются в основе своей одни и те же корреляции между возрастом респондентов и их приверженностью тем или иным ценностям.

Более пожилым респондентам свойственно придерживаться ценностей Консерватизма и Заботы о других, а молодым — ценностей Открытости к изменениям и Самоутверждения. Гораздо более корректно будет сформулировать идею Инглхарта — Вельцеля в мягкой форме: в беднейших странах мира различия в ценностной картине мира между пожилыми и молодыми в тенденции выражены менее сильно, чем в остальных странах. Однако и в подавляющем большинстве развивающихся стран речь идет о вполне сильных статистически значимых отличиях.

Поскольку подавляющее большинство как развитых, так и развивающихся стран демонстрируют сильные и значимые корреляции ценностных осей Шварца с возрастом, можно предположить (сообразно с идеями автора опросника) наличие некоторых универсальных или как минимум чрезвычайно распространенных механизмов влияния биологического и социального возраста на ценности. Об этом же говорит и прослеживаемая во всех макрорегионах мира сильная корреляция между возрастом и парами противоположных ценностных ориентаций: Консерватизмом — Стремлением к новизне и Заботой о других — Самоутверждением.

В целом проведенный анализ динамики ценностей с возрастом позволяет предполагать наличие действия как возрастного, так и когортного эффектов. Количественный анализ когортного и возрастных эффектов в динамике системы ценностей подробно раз-

бирается в ряде работ [Коротаев, Зинькина, Шульгин, Быканова 2017; Коротаев, Шульгин, Зинькина, Новиков 2018], где показывается, что для усиления ценностей консерватизма важна роль именно возрастного фактора. Люди становятся более религиозными с возрастом. Помимо этого с возрастом наблюдается реальный рост приверженности ценностям заботы о других, а также увеличение нетерпимости ко всякого рода асоциальному поведению: к незаконному уклонению от уплаты налогов, взяточничеству, незаконному получению социальных пособий и т. п.

С этим фактом коррелирует то, что с возрастом люди склонны в большей степени соглашаться с утверждением о том, что большинству людей можно доверять, в то время как более молодые респонденты в большей степени согласны с утверждением, что с людьми нужно быть очень осторожными. С возрастом люди в экономически развитых странах склонны все больше и больше доверять парламенту, политическим партиям и государственному аппарату (близкие результаты были получены и применительно к России).

Все это представляет особый интерес в свете интенсивно идущих в последнее время процессов глобального старения населения, продолжение которых уверенно прогнозируется и на все ближайшие десятилетия [Гринин, Коротаев, Гринин 2016; Lutz, Sanderson, Scherbov 2008; Goldstone, Grinin, Korotayev 2015; Grinin, Korotayev 2016; Grinin, Grinin, Korotayev 2017]. Действительно, сказанное выше заставляет предполагать, что глобальное старение населения будет способствовать росту ценностей консерватизма, что может быть определенным фактором прогнозируемого многими авторами на долгосрочную перспективу замедления глобальных темпов социально-экономического и технологического развития [Piketty 2014; LePoire 2016; Khaltourina, Korotayev 2007; Korotayev 2018; Popović 2018].

С другой стороны, глобальное старение населения может способствовать глобальному росту приверженности ценностям заботы о других и нетерпимости к асоциальному поведению, что может оказать определенное гармонизирующее и стабилизирующее влияние на социально-политические системы в глобальном масштабе [Коротаев, Шульгин, Зинькина, Новиков 2018].

Библиография / References

Гринин Л.Е., Коротаев А.В., Гринин А.Л. (2016) Глобальное старение населения, шестой кондратьевский цикл и кибернетическая революция. *Проблемы теории и практики управления*, 7: 54–59.

— Grinin L.E., Korotayev A.V., Grinin A.L. (2016) Global population aging, the sixth Kondratieff cycle and the cybernetic revolution. *Problems of theory and practice of management*, 7: 54–59. — in Russ.

Инглхарт Р., Вельцель К. (2011) Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития, М.: Новое издательство.

— Inglehart R., Welzel K. (2011) *Modernization, cultural change and democracy. The sequence of human development*, M.: New Publishing. — in Russ.

Коротаев А.В., Зинькина Ю.В., Шульгин С.Г., Быканова Д.А. (2017) Почему пожилые люди более религиозны, чем молодые? Когортные и возрастные факторы, или Будущее религиозных ценностей в экономически развитых странах. *Религиоведение*, 3 (3): 134-144.

— Korotayev A.V., Zinkina Yu.V., Shulgin S.G., Bykanova D.A. (2017) Why are older people more religious than younger ones? Cohort and age factors, or the future of religious values in economically developed countries. *Religious Studies*, 3 (3): 134-144. — in Russ.

Коротаев А.В., Шульгин С.Г., Зинькина Ю.В., Новиков К.Е. (2018) Влияние старения населения на глобальную систему ценностей и политическую динамику. М.: РАНХиГС.

— Korotayev A.V., Shulgin S.G., Zinkina Yu.V., Novikov K.E. (2018) *The impact of population aging on the global value system and political dynamics*. M.: RANEPA. — in Russ.

Baltes P.B. (1987) Theoretical propositions of life-span developmental psychology: on the dynamics between growth and decline. *Developmental Psychology*, 23: 611–626.

Boeltken F., Jagodzinski W. (1985) Postmaterialism in the European community, 1970–1980: Insecure value orientations in an environment of insecurity. *Comparative Political Studies,* 17 (4): 453–484.

Brandtstädter J., Wentura D., Rothermund K. (1999) Tenacious Pursuit and Flexible Adjustment of Goals. J. Brandtstädter, R.M. Lerner (eds). *Action & Self-Development: Theory and Research Through the Life Span*, London: Sage Publications: 373-400.

Brandtstädter J., Greve W. (1994) The aging self: Stabilizing and protective processes. *Developmental review*, 14 (1): 52-80.

Brandtstädter J., Rothermund K. (2002) The Life-Course Dynamics of Goal Pursuit and Goal Adjustment: A Two-Process Framework. *Developmental Review*, 22: 117-150.

Bromley D.B. (1966). *Psychology of human aging,* Baltimore, Maryland: Penguin.

Campbell J.C., Strate J. (1981) Are old people conservative? *The Gerontologist*, 21 (6): 580-59.

Carstensen L.L. (1992) Social and emotional patterns in adulthood: support for socioemotional selectivity theory. *Psychology and Aging*, 7 (3): 331-338.

Carstensen L.L. (2006) The influence of a sense of time on human development. *Science,* 312 (5782): 1913-1915.

Crittenden J.A. (1962) Aging and party affiliation. *Public opinion quarterly,* 26: 648–657.

Cumming E., Henry W. (1961) *Growing old: the process of disengagement,* New York: Basic Books.

Fischer R., Boer D. (2016) Values: the dynamic nexus between biology, ecology and culture. *Current Opinion in Psychology,* 8: 155-160.

Glenn N.D., Hefner T. (1972) Further Evidence on Aging and Party Identification. *Public Opinion Quarterly*, 36: 31–47.

Glenn N. (1974) Aging and Conservatism. *Annals of the American Academy of Political and Social Science,* 415: 176-186.

Goldstone J., Grinin L., Korotayev A. (2015). Research into Global Ageing and Its Consequences. *History & Mathematics*, 5: 5–9.

Grinin L.E., Grinin A.L., Korotayev A. (2017) Forthcoming Kondratieff wave, Cybernetic Revolution, and global ageing. *Technological Forecasting and Social Change*, 115: 52-68.

Grinin L., Korotayev A. (2016) Global Population Ageing, the sixth Kondratieff wave, and the global financial system. *Journal of Globalization Studies*, 7 (2): 11-31.

Hamil-Luker J. (2001) The prospects of age war: inequality between (and within) age groups. *Social science research,* 30: 386–400.

Inglehart R. (1971) The silent revolution in Europe: Intergenerational change in post-industrial societies. *American Political Science Review*, 65 (4): 991–1017.

Inglehart R. (1977) *The silent revolution: Changing values and political styles among western publics,* Princeton, NJ: Princeton University Press.

Inglehart R. (1990) *Culture shift in advanced industrial society,* Princeton, NJ: Princeton University Press.

Inglehart R. (1997) *Modernization and postmodernization: Cultural, economic and political change in 43 societies,* Princeton, NJ: Princeton University Press.

Inglehart R., Baker W. (2000) Modernization, cultural change and the persistence of traditional values. *American Sociological Review,* 65: 19–51.

Inglehart R., Norris P. (2003) Islam and the West: A "clash of civilizations?" *Foreign Policy, March/April:* 62–70.

Khaltourina D.A., Korotayev A.V. (2007) A modified version of a compact mathematical model of the World system economic, demographic, and cultural development. *Mathematical Modeling of Social and Economic Dynamics,* Moscow: RUDN: 274-277.

Korotayev A. (2018) The 21st Century Singularity and its Big History Implications: A re-analysis. *Journal of Big History*, 2 (3): 71-118.

LePoire D.J. (2016. Exploring Temporal Patterns in Big History Dynamics. *KronoScope,* 16 (2): 229-249.

Löckenhoff C.E., Carstensen L.L. (2004) Socioemotional selectivity theory, aging, and health: The increasingly delicate balance between regulating emotions and making tough choices. *Journal of Personality*, 72 (6): 1395-1424.

Lutz W., Sanderson W., Scherbov S. (2008) The coming acceleration of global population ageing. *Nature,* 451 (7179): 716–719.

Norris P., Inglehart R. (2004) *Sacred and secular: Religion and politics worldwide,* New York: Cambridge University Press.

Piketty T. (2014) *Capital in the Twenty-First Century*, Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press.

Popović M. (2018) Technological Progress, Globalization, and Secular Stagnation. *Journal of Central Banking Theory and Practice,* 7 (1): 59-100.

Rhodebeck L.A. (1993) The politics of greed? Political preferences among the elderly. *Journal of politics*, 55: 342-364.

Robinson O.C. (2013) Values and adult age: Findings from two cohorts of the European Social Survey. *European Journal of Ageing*, 10 (1): 11-23.

Schwartz S.H. (1992) Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries. *Advances in experimental social psychology,* 25: 1–65.

Schwartz S.H. (2005b) Robustness and fruitfulness of a theory of universals in individual human values. *Valores e comportamento nasorganizaç Atoes [Values and behavior in organizations]—Petr. polis,* Brazil: Vozes: 56–95.

Tilley J., Evans G. (2014) Ageing and generational effects on vote choice: combining crosssectional and panel data to estimate APC effects. *Electoral studies,* 33: 19-27.

Zellman G.L. (1975) Antidemocratic beliefs: A survey and some explanations. *Journal of social issues,* 31: 31–53.

Рекомендация для цитирования:

Коротаев А.В., Новиков К.Е., Шульгин С.Г. (2019) Ценности пожилых в стареющем мире. *Социология власти*, 31 (1): 114-142.

For citations:

Korotayev A.V., Novikov K.E., Shulgin S.G. (2019) Values of the Elderly People in an Aging World. *Sociology of Power*, 31 (1): 114-142.

Поступила в редакцию: 12.11.2018; принята в печать: 16.12.2018

Received: 12.11.2018; Accepted for publication: 16.12.2018